

Тихвинский монастырь Днепропетровска в 50-е годы XX в. и его закрытие в 1959 г.

Павлов Дмитрий Владимирович

магистр теологии, специалист Научно-исследовательского отдела
новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ

d.v.pavlov_77@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Павлов Д. В.* Тихвинский монастырь Днепропетровска в 50-е годы XX в. и его закрытие в 1959 г. // Богослов. 2025. № 1 (5). С. 165–197.

DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.51.75.003

АННОТАЦИЯ В статье на основе архивных данных восстановлена история Днепропетровского Тихвинского женского монастыря в 50-е годы XX в. до его закрытия в 1959 г. Монастырь был основан в 60-х годах XIX в., упразднен в 1924 г. и вновь открыт в 1942 г., во время немецкой оккупации. В статье описывается положение дел в обители в период управления Днепропетровской и Запорожской епархией архиепископом Гурием (Егоровым), состав сестричества, особенности хозяйственного и богослужебного устройства монастыря в этот период, а также непростые отношения с советской властью. Преемник архиеп. Гурия по управлению епархией епископ Иоасаф (Лелюхин) не только не противодействовал советской власти в проводимой акции по закрытию обителей, но и фактически способствовал закрытию приходов и монастырей, в частности Тихвинского. В статье приводятся подробности проведения операции по закрытию монастыря.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: днепропетровский Тихвинский монастырь, архиепископ Гурий (Егоров), епископ Иоасаф (Лелюхин), протоиерей Сергей Никитин (впоследствии епископ Стефан), кампания по ликвидации монастырей в СССР

Тихвинский монастырь был основан в 1860-х гг. за чертой города Екатеринослава¹ как женский общежительный. По данным на 1907 г., монастырь имел 725 десятин земли, в нем проживало 200 монахинь и послушниц; к моменту закрытия монастыря в 1924 г. — до 350 насельниц. В 1924–1942 гг. монастырь не действовал, в зданиях обители были размещены детские учреждения².

Открылся монастырь во время немецкой оккупации. По сведениям днепропетровского уполномоченного по делам РПЦ, в 1942 г. «бывшие монахини захватили пять помещений и снова основали монастырь с церковью, обустроив под молитвенное помещение клуб школы-интерната»³. В обитель вернулся чудотворный Тихвинский образ Божией Матери, хранившийся после закрытия монастыря на частной квартире у одной из монахинь. Главный монастырский собор Вознесения Господня был отремонтирован, но в 1942 г. после единственного богослужения он был взорван неизвестными. В монастыре действовали два храма: главный — в честь Тихвинской иконы Божией Матери с приделом святой равноапостольной Марии Магдалины и зимний — во имя святой великомученицы Варвары. Монастырь не имел прихода и по этой причине нуждался в финансовой поддержке⁴.

ТИХВИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ АРХИЕПИСКОПА ГУРИЯ (ЕГОРОВА)

В октябре 1955 г. архиепископ Гурий (Егоров) был назначен управляющим Днепропетровской и Запорожской епархией⁵. На середину 1955 г. в епархии действовали 293 православных прихода — 183

¹ В 1926 г. Екатеринослав был переименован в Днепропетровск.

² См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 627. Л. 6.

³ Государственный архив Днепропетровской области (ГА ДО). Ф. 6464. Оп. 2. Д. 33. Л. 204.

⁴ См.: *Пономаренко Д., диак.* Епископ Стефан (Никитин). М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 190, 789.

⁵ Постановления Священного Синода // ЖМП. 1955. № 11. С. 3.

в Днепропетровской области⁶ и 110 в Запорожской⁷. В Днепропетровске функционировал единственный в епархии женский монастырь в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Этой обители архиепископ Гурий уделял особое внимание на протяжении всего периода служения на Днепропетровской кафедре.

*Архиепископ Гурий в Тихвинском монастыре. Днепропетровск.
Вторая половина 1950-х гг.*

На 1 января 1957 г. в Тихвинском монастыре проживало 75 сестер: 1 игуменья, 3 схимонахини, 33 мантийные монахини, 32 рясофорные послушницы и 6 послушниц. Обитель, помимо двух храмов, имела четыре жилых корпуса. Для удовлетворения своих нужд монастырь арендовал у города три гектара земли под огород, а также имел две коровы и лошадь. Архиепископ Гурий докладывал Патриарху Алексию следующую информацию о монастыре: «Обед для сестер варится только по воскресеньям и большим праздникам, причем варево выдавалось на дом. Теперь налаживается общая трапеза в те же дни. Возраст сестер

⁶ См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1, 42.

⁷ См.: Там же. Д. 1279. Л. 74.

весьма пожилой. Молодых очень мало. А работа лежит больше всего на плечах молодых сестер — и на огороде, и со скотом, и пение, и обслуга дряхлых стариц. Я обратил внимание на то, что среди послушниц, давно поступивших в монастырь, имеется немало в возрасте 70 лет и более. Оказалось, что игуменья требовала от постригавшихся в мантию, чтобы они надевали при постриге прямой клобук, какой носим мы и какой носила сама игуменья (она из Керченского монастыря). Но эти послушницы заявили, что они наденут клобук только той формы, который всегда был в Тихвинском монастыре, т.е. наподобие схимнического клобука в мужских монастырях. Немало бесед и уговариваний было у меня с игуменией Ксенией в 1956 г. На ее стороне было только 4 сестры. Все остальные за „Тихвинский“ клобук. В декабре 1956 г. милостью Божией игуменья и все остальные надели клобук одинаковой формы. Все это прошло мирно, и все были рады. Игуменья благодарила меня за умиротворение их замкнутого монашеского мирка. В 1956 г. мною были пострижены с благословения Вашего Святейшества 3 сестры в схиму и 9 в мантию»⁸.

О своем посещении Днепропетровска летом 1956 г. писал архимандрит Иоанн (Вендланд): «Наконец я собрался поехать к нашему Владыке Гурию. Приехал я на 2 дня раньше возвращения Владыки из Ленинграда. В ожидании Владыки я осматривал город, великолепный парк, спускающийся к Днепру, аллею роскошных цветников, дворец Потемкина (архитектор Старов). Был у всенощной в соборе, у Литургии в монастыре. Мать игуменья Ксения, 82 лет, уроженка Ленинграда и воспитанница Института благородных девиц⁹, ушедшая из этого института прямо в монастырь и имеющая огромный стаж игуменства, принимала меня у себя. До обедни — для предварительного знакомства; после обедни — для трапезы. Эта матушка с большим искусством втянула меня в разговор о Библии и при этом незаметно стала проверять мои знания этой священной книги (например, по картинкам, и я не все картинки в точности мог

⁸ ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 1. Д. 6. Л. 205–206.

⁹ Согласно справке Совета по делам РПЦ от 1 января 1958 г., игуменья Тихвинского женского монастыря Ксения (Романовская Ксения Валентиновна) окончила Санкт-Петербургский Николаевский институт. См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 627. Л. 8.

объяснить). Все это было очень мило и интересно; я ушел совершенно очарованный этой милой матушкой и ее небольшим монастырем»¹⁰.

По итогам 1957 г. архиепископ Гурий сообщал в Патриархию, что в монастыре пребывала 81 насельница, новых постригов не было. За год скончались две сестры, поступило восемь сестер, одна из них — врач, вышедшая на пенсию, что дало возможность наладить в обители медицинскую помощь (это было особенно важно для сестер престарелых и со слабым здоровьем). С разрешения уполномоченного совета врач монастыря установила необходимые контакты с медицинскими учреждениями города. Улучшилось монастырское хозяйство: в главном храме было устроено центральное отопление, на месте алтаря уничтоженного немцами собора был поставлен «стильный крест», окруженный цветником и деревьями, в жилом корпусе устроены санузел и ванна, вдоль жилых корпусов проложили асфальтированный тротуар (чтобы немощным сестрам было легче передвигаться), выровнена территория.

Правящий архиерей коснулся вопроса руководства монастырской жизнью: «В 1957 г. назначен был еще один священник, т.к. монастырский священник (иеромонах Антоний) по старости и болезненности не в силах был обслуживать духовные нужды монастыря. К сожалению, административное руководство монастыря находится в одряхлевших руках. Например, мать казначея почти ничего не видит, при расплате спрашивает получающего, какую бумажку она ему дала, мать ризничная держит все облачения одно на другом в своей келлии (чтобы сохранить за собой большую келлию) и не выдает на великие праздники чистых хороших облачений, чтобы „не запачкались“, мать благочинная ведает скотным двором и келлиями, но никто не заботится о жизни и духовном устроении самих насельниц. Причина всех этих неустройств — в игумении. Игумении Ксении сейчас 83 года. Она относится совершенно безразлично к нуждам монастыря и его сестер. Ее любимое выражение: „Доживем как-нибудь!“»¹¹.

¹⁰ Письмо архимандрита Иоанна (Вендланда) А. С. Заспеловой от 6 августа 1956 г. // ЦИА ПСТГУ.

¹¹ ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 2. Д. 42. Л. 34–35.

*Храм святой равноапостольной Марии Магдалины Тихвинского монастыря.
Днепропетровск. Вторая половина 1950-х гг.*

Архиепископ Гурий указал на то, что в 1956 г. он не вмешивался в жизнь монастыря, кроме вопроса, касавшегося своеобразного покроя монашеского клобука. Позже правящий архиерей убедился, что его невмешательство привело к ухудшению ситуации. В частности, богослужения совершались с большими искажениями Устава, было отменено чтение иноческого правила и полунощницы в храме (что особенно было полезно для престарелых и малограмотных). Благоустройство монастыря, проводимое по указанию архиепископа, проходило при скрытом противодействии игумении Ксении. Полезные предложения уполномоченного по делам Русской Православной Церкви вызывали у нее «неразумный и нетактичный протест». Во время финансовой ревизии в декабре 1957 г. архиепископ Гурий получил выписку о наличии в кассе монастыря около 50 тыс. рублей. Зная, что денег должно быть вдвое больше, он спросил игумению о недостающей сумме. Тогда Ксения была вынуждена признать, что на ее личном счету имеется более 50 тыс. рублей монастырских денег. Это дало основание для замен в администрации монастыря.

Из Ташкента в Днепропетровск прибыл протоиерей Сергей Никитин (будущий епископ Стефан). Игуменья Евгения (Волощук), тогда еще инокиня Анастасия, так описала в своих воспоминаниях его приглашение и приезд: «Время было трудное. В монастыре у нас служили два иеромонаха: один — Анто-

ний (Харченко) из Киева, а другой — Феодосий (Моршанский). <...> Жили и служили они дружно, но в 1953 году иеромонах Феодосий отошел ко Господу. Остался один 70-летний старец Антоний. Конечно, трудно ему было: монастырские службы ежедневные и продолжительные. И монастырю трудно: мы подчас уже — батюшке нездоровится — сами читаем. И при-слать дополнительного священника тоже не было возможности. <...> Тогда владыка Гурий решил пригласить из Ташкентской епархии протоиерея Сергея Никитина, которого знал по тому недавнему времени, когда сам был Ташкентским архиереем. Он охарактеризовал отца Сергея как усердного служителя Церкви Христовой, человека, имеющего образ благочестия и опыт исповедничества»¹².

Архиепископ Гурий благословил инокиню Анастасию, исполнявшую в Епархиальном управлении послушание де-лопроизводительницы, написать протоиерею Сергию Ни-китину в Ташкент и пригласить его в епархию для служения в Тихвинском монастыре. Она написала письмо, от отца Сергея пришел положительный ответ, и 23 июня 1957 г. он прибыл в Днепропетровск. Правящий архиерей назначил его стар-шим священником Тихвинского монастыря. 28 июня вновь прибывший клирик был зарегистрирован уполномоченным по Днепропетровской области, после чего приступил к испол-нению своих обязанностей. Первым делом протоиерей Сергей Никитин отметил искажения богослужебного устава в мона-стырских храмах. Но чтобы не вызвать своими нововведени-ями смущение у старожилов монастыря (иеромонаха Антония и престарелых насельниц), старший священник решил навести уставной порядок через своего архипастыря. По рекомендации инокини Анастасии он написал рапорт на имя архиепископа обо всех замеченных богослужебных нестроениях и попросил архиерейское благословение на их исправление. Так как архи-епископ Гурий был сторонником уставного богослужения, он с радостью воспринял просьбу и поддержал эту инициативу. В ответ на поданный рапорт правящий архиерей издал документ «Обязанности регентши монастыря и уставщицы». Текст этого документа свидетельствует о том, что и архиепископ Гурий,

¹² Пономаренко Д., диак. Указ. соч. С. 786.

и протоиерей Сергей Никитин были сторонниками напевов «строго церковных, монастырских, и без сольных элементов». Следить за «строго церковным направлением пения», а также заботиться о внятном и понятном чтении в храме вменялось регенту, который должен был согласовывать порядок каждой службы и ее музыкальный состав со старшим священником и с настоятельницей монастыря¹³.

Игуменья Евгения (Волошук) описала изменения в жизни монастыря: «Монастырь стал духовно обогащаться. При этом жизнь исправлялась тихо и спокойно. Мы шли на полунощницу, вместе с нами — батюшки. <...> Помолятся, совершат проскомидию. Заранее. Синодики почитают. Не борзась»¹⁴. Монастырь был без прихода, священники на требы за ограду монастыря не выходили. Протоиерей Сергей Никитин и иеромонах Антоний (Харченко) довольствовались монастырским жильем, общей трапезой и скромной оплатой своих трудов.

*Храм святой великомученицы Варвары Тихвинского монастыря. Днепропетровск.
Вторая половина 1950-х гг.*

В сентябре 1958 г. архиепископ Гурий подписал распоряжение, адресованное настоятельнице Тихвинского монастыря игуменнии Ксении: «Святейшему Патриарху Алексию в своей резолюции от 4 августа 1958 г. за № 1275 на моем рапорте о жизни и нуждах Днепропетровского Тихвинского женского монастыря угодно было отметить, что Вам по возрасту Вашему

¹³ См.: Там же. С. 189–192, 786.

¹⁴ Там же. С. 789.

трудно управлять монастырем и что Вы нуждаетесь в освобождении от трудностей и скорбей, сопряженных с управлением Обителью. А потому Святейший Патриарх предлагает мне озаботиться приисканием для Вас преемницы. С получением сего Вы освобождаетесь от обязанностей настоятельницы Днепропетровского Тихвинского женского монастыря и остаетесь в числе сестер монастыря как рядовая сестра»¹⁵.

Настоятельницей обители вместо 83-летней «одряхлевшей и телом, и разумом игумении Ксении» была назначена монахиня Руфина (Шулан)¹⁶. Со сменой настоятельницы прекратились жалобы, жизнь в монастыре стала налаживаться. Общие трапезы, ранее проходившие только по праздникам и воскресеньям, теперь стали ежедневными. Появилось центральное отопление в обоих монастырских храмах, была подготовлена комната для больных и престарелых монахинь, нуждающихся в медицинской помощи и уходе. К концу 1958 г. состав Тихвинского монастыря не претерпел сильных изменений, в нем проживали 82 насельницы: игуменья Ксения на покое, три схимонахини, 41 монахиня, 28 рясофорных послушниц, 9 послушниц. Большинство сестер были пожилыми: 67 сестер — в возрасте от 50 до 86 лет, 15 сестер — в возрасте до 50 лет. Пять сестер возрастом свыше 80 лет несли послушания пономарки, казначеи, чтиц Псалтири по усопшим. 13 сестер престарелого возраста были инвалидами и не несли никакого послушания. Все труды по монастырю, храму и по уходу за больными лежали на немногих трудоспособных сестрах, молчаливо и смиренно несших подвиг монастырского жития¹⁷.

О возрасте насельниц Тихвинского монастыря сообщал в совет и днепропетровский уполномоченный Я. А. Днепровский. В частности, он указывал, что правящий архиерей и настоятельница считают, что без трудоспособных послушниц монастырь не может существовать. Днепровский отметил: «Игуменья, да и сам архиепископ Гурий заинтересованы в приеме в монастырь новых лиц, особенно среднего и молодого возраста. Прием

¹⁵ ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 2. Д. 33. Л. 118.

¹⁶ См.: Там же. Л. 137.

¹⁷ См.: Там же. Д. 43. Л. 15–16.

новых лиц в монастырь ограничивается недостатком жилой монастырской площади»¹⁸.

Во время служения в Тихвинском монастыре протоиерей Сергей Никитин стал иеромонахом Стефаном. В 1958 г. архиепископ Гурий предложил ему принять монашество, но для монастырского священника предложение оказалось столь неожиданным, что ответ он дал не сразу. Был назначен день пострига, приглашены близкие, но в последний момент правящего архиерея вызвали в Москву, и постриг был отложен. В декабре 1958 г. отец Сергей внезапно тяжело заболел — случился сердечный приступ. Необходима была операция, но священник от нее отказался. 63-летний протоиерей на одре болезни сокрушался, что не успел принять монашество, и винил себя за нерешительность в ответ на предложение архипастыря. Но все завершилось во Славу Божию: 2 января 1959 г. архиепископ Гурий в Варваринском храме Тихвинского монастыря совершил постриг протоиерея Сергея Никитина в монахи. Подводил его к постригу иеромонах Михей (Хархаров). Примечательно, что в последующем оба стали архиереями Русской Православной Церкви. Отец Сергей из-за болезни с трудом стоял на ногах, но с принятием монашества произошло чудесное избавление от тяжелой болезни. Новому монаху архипастырь дал имя в честь преподобного Стефана Махрищского¹⁹. В марте 1959 г. архиепископ Гурий постриг инокиню Анастасию (Волощук) в мантию с именем Евгения.

Днепропетровский женский монастырь ежегодно 9 июля отмечал престольный праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери. О многолюдной службе по этому поводу в 1958 г. уполномоченный Днепровский докладывал в Москву внеочередным сообщением: «Как и в прошлые годы, в текущем году служба в монастырском молитвенном доме была многолюдной, по личному наблюдению молящихся в молитвенном доме, вокруг молитвенного дома и по всему двору было около 4000 человек. По своему составу абсолютно подавляющее большинство женщин старшего и среднего возрастов. Детей почти не было, видел одиночек с родителями. Молодежи тоже

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 627. Л. 10.

¹⁹ См.: Пономаренко Д., диак. Указ. соч. С. 202–207.

не было. <...> Службу в церкви служил архиепископ Гурий, с ним шесть священников и один диакон. Всего священников из разных приходов в монастыре было до 30 человек, но в службе не участвовали, многие из них просились у архиепископа участвовать в службе, но по согласованию со мной к службе архиепископом было допущено 6 священников, остальным он объявил, чтобы они, если желают, присутствовали как молящиеся. <...> Видел такое зрелище — около внутренней Варваровской церкви собралась толпа около сотни человек, стоя лицами на восток, произвольно без дирижера пели божественные песни. <...> Порядок службы был такой: с вечера была служба и утром. Утром с 9 часов и до конца службы служил архиепископ, в конце службы было совершено шествие вокруг храма с указанной выше иконой, и на том служение закончилось. После службы для архиепископа и приглашенных им священников был устроен обед. Для молящихся монастырь обед не устраивал, но обед был. Он состоялся без участия монастыря. Продукты были снесены молящимися, готовилась пища у проживающего на территории монастыря Ковалева Петра Федоровича, 1897 года рождения, возчика гастронома. За жилыми домами монастыря под открытым небом им монастырем было разрешено обедать. <...> Характерно еще и то, что вдоль улицы Каверина, ведущей от трамвайной остановки Рабочей улицы до монастыря, около ворот монастыря, во дворе монастыря от ворот и до самого молитвенного дома подряд стояли и сидели всякого рода попрошайки, юродивые, во дворе была пара кликуш, которые сидя читали несуразные рукописные записи, по которым что-то „предсказывали“ окружавшим их толпам ротозеев. Об этом тоже мною сообщено милиции для принятия мер. Сообщая о вышеизложенном, хочу подчеркнуть главное, что вся эта грязь находится не в отдаленном месте от населенных пунктов, отвечающем монастырским условиям, а в центре Красногвардейского района города Днепропетровска, причем на территории детского дома»²⁰.

Далее уполномоченный привел сведения, что с 1922 г. (по другим данным, с 1924 г.) до временной немецкой оккупации Днепропетровска в зданиях и помещениях бывшего

²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 627. Л. 1–3.

Тихвинского монастыря находился детский дом. Во время оккупации монастырь возобновил свою деятельность и занял пять зданий. Такое положение оставалось и после окончания войны. В остальных зданиях разместился детский дом, в котором проживало 130 детей в возрасте от 7 до 18 лет. В непосредственной близости от монастырских зданий располагалась школа-интернат, в которой обучалось 217 детей, при этом окна одного здания школы выходили во двор монастыря, на расстоянии всего 15–20 шагов от монастырского храма, в котором до войны находились учебно-производственные мастерские школы-интерната. Директора этих двух учебных заведений, по словам Днепровского, считали нежелательным пребывание монастыря на территории детского дома и в непосредственной близости к школе-интернату, так как, по их словам, такое «соседство» отрицательно влияло на воспитание и учебу советских детей. Уполномоченный продолжил изливать свое «негодование» в адрес монастыря: «А надо сказать, что в монастыре не один раз в год проходит подобная многолюдная церковная служба, а всегда по таким религиозным праздникам, как „пасха“, „рождество“, „крещение“, „троица“, перед „пасхой“ „вербная суббота“, „страстной четверг“ и остальные религиозные годовые праздники, каждое воскресенье, и вообще по монастырской жизни служба церкви проводится ежедневно. <...> Как же можно в этих условиях оградить детей от церкви, когда вся эта монастырская кутерьма по созданным условиям проходит у них на глазах. Вот где налицо противоречие закона о труде и всеобщем обучении, потому что в этом случае, если дети непосредственно и не участвуют в церковных службах, то так или иначе монастырь им причиняет величайший урон в учебе и труде, у детей повседневно на глазах монашки и их церковные службы, что совершенно недопустимо»²¹.

Днепровский отметил, что переместить монастырь в другое место внутри области невозможно из-за отсутствия соответствующих зданий, нет такой возможности и в отношении детского дома и школы-интерната. Уполномоченный в качестве дополнительных аргументов указал на нахождение вблизи монастыря станции юных натуралистов, средней школы

²¹ Там же. Л. 3–4.

и оборонного предприятия. «Тоже никакой логики — оборонное предприятие и скопление вокруг монастыря разных нежелательных элементов, ползущих к этому месту со всех концов»²².

Далее Днепровский доложил, что на совещании уполномоченных Совета по вопросу монастырей 9 июля 1958 г. в Киеве он в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1946 г. предложил от имени обкома и облисполкома ликвидировать женский монастырь в Днепропетровске под предлогом: «Тихвинский монастырь не имеет монастырских условий». Свой мотив он обосновал следующим образом: «Монастырь — это трудовое религиозное объединение и должен находиться в отдаленной от населенных пунктов местности. Монашествующие должны работать и жить за счет собственного труда. Монастырь же в Днепропетровске в этом отношении является тунеядцем. Земли он не имеет, производственных мастерских тоже нет, когда-то часть монашек по договору с артелью стегали одеяла, а сейчас и этого не делают. 81 человек живут за счет доходов монастырского молитвенного дома, который механически превратился в приходской, дотаций архиерея, за счет разных приношений, как они говорят, и других видов легкой жизни, но только не за счет своего труда, ведут они вольготный, праздный образ жизни. Если даже не принять во внимание окружения, в котором монастырь находится, чего, конечно, нельзя допустить, а обратить [внимание] на их образ жизни, то монастырь надо немедленно ликвидировать или перевести его в местность, соответствующую монастырским условиям, запретить им жить на положении приспособленцев. На производстве [никто] работать не хочет и идет в Тихвинский монастырь, где можно ничего не делать и жить. <...> В наше время, в условиях социалистического государства, такое явление, чтобы жили тунеядцы за счет чужого труда, недопустимо, а почему Тихвинский монастырь должен быть исключением в этом отношении»²³.

Днепровский в конце своего сообщения отметил, что на совещании было принято согласованное с правительством УССР предложение о ликвидации Тихвинского монастыря.

²² Там же. Л. 4.

²³ Там же. Л. 4–5.

Уполномоченный просил Совет по делам РПЦ поддержать просьбу Днепропетровского обкома партии и облисполкома, получив в правительстве СССР согласие.

КАМПАНИЯ ПО ЗАКРЫТИЮ МОНАСТЫРЕЙ

В

1959 г. для Церкви наступил тяжелейший период в связи с тем, что власти в это время начали проводить в жизнь постановление от 16 октября 1958 г. «О монастырях в СССР» в части сокращения обителей. За предшествовавшие 10 лет (1947–1957 гг.) путем слияния было сокращено 38 монастырей. В 1958 г. в СССР было 63 действующих монастыря и скита. На встрече с Патриархом Алексием 2 апреля 1959 г. председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов поставил вопрос о сокращении 22 монастырей и 7 скитов с расселением 1917 монашествующих в оставшиеся 34 монастыря²⁴. Патриарх Алексей через два дня, 4 апреля, прислал в совет на имя Карпова письменное согласие на сокращение монастырей и скитов по предложенному советом списку. Патриарх сообщал в письме: «Ознакомившись на нашем совместном заседании в Совете 2-го апреля с планом сокращения монастырей в Украинской ССР, Закарпатской области, Белорусской, Литовской и Молдавской ССР, как я, так и М[итрополит] Николай и Упр[авляющий] делами Патриархии Протопресвитер Колчицкий находим, что при создавшихся условиях, когда выявлена необходимость продолжить сокращение количества монастырей, как это было в предыдущие годы до 1958 года,— план сокращений, намеченный Советом, является наиболее безболезненным разрешением этого вопроса, вообще, несомненно, затрагивающего положение многих монашествующих, лишая их привычного положения в насиженных гнездах — монастырях. Безболезненность плана заключается главным образом в том, что предположено сократить не так уже много из общего количества существующих в настоящее время монастырей; что намечено насельников сокращаемых обителей перевести в остающиеся

²⁴ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1648. Л. 110–113, 121–125.

монастыри и что, главное, самое закрытие монастырей предполагается произвести не сразу, а постепенно, в течение ближайших лет. Этим достигается то, что не так остро будет воспринято, как самими монашествующими, так и вообще верующими, это сокращение»²⁵.

Советом по делам РПЦ был разработан план «постепенного и осторожного» сокращения монастырей в течение 1959–1960 гг.²⁶ На Украине облисполкомам и Министерству социального обеспечения республики было рекомендовано молодых монашествующих трудоустроить, создав им нормальные жилищно-бытовые условия, пожилых разместить по домам инвалидов и престарелых. Остальных насельников разместить в действующих монастырях. В списке монастырских обителей, подлежащих сокращению на территории УССР, фигурировал Тихвинский женский монастырь в Днепропетровске. По нему было следующее предложение: 42 монахини трудоустроить, остальных 39 переселить в Браиловский и Барский монастыри, частично в скит Почаевской лавры²⁷.

Но республиканские советы министров проигнорировали рекомендации Совета и установили собственные сроки закрытия монастырей. Поспешность при их ликвидации привела к конфликтам на местах. Так, Овручский женский монастырь в Житомирской области был закрыт в течение суток, просьбы о переводе в другие монастыри местными властями были проигнорированы, и 82 монахини разъехались в места избранного ими жительства. Утром следующего дня в помещениях бывшего монастыря была открыта Овручская межрайонная детская больница²⁸. Осложнения возникли при закрытии Речульского женского монастыря в Молдавской ССР и Кременецкого женского монастыря в Тернопольской области УССР²⁹.

Монашеские обители закрывали с привлечением спецслужб под видом того, что православные монастыри, как следовало из документов КГБ УССР, стали «рассаdnиками

²⁵ Письмо Патриарха Алексия Г. Г. Карпову от 4 апреля 1959 г. // Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам РПЦ, Т. 2: 1954–1970. С. 247.

²⁶ См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1648. Л. 116.

²⁷ См.: Там же. Д. 1690. Л. 83–87.

²⁸ См.: Там же. Д. 1649. Л. 107.

²⁹ См.: Там же. Л. 186.

религиозного фанатизма». В монастырях сотрудники КГБ усматривали «концентрацию церковно-кликушеского элемента и приверженцев ИПЦ³⁰», «распространение фанатизма через схимников, затворников и „сестер духовных“», центры по открытию «нелегальных курсов для подготовки к поступлению в семинарии»³¹.

О циничных действиях спецслужб по насаждению нестроений в монастырях и их ликвидации свидетельствуют сохранившиеся материалы «контрольно-наблюдательного дела» Житомирского УМГБ-УКГБ на Овручский женский монастырь. За обителью «наблюдал» Овручский райотдел МГБ, имея среди монахинь агентов и осведомителей для агентурной работы среди «монашествующего элемента». Были заведены дела-формуляры на священника монастырского храма Елиазара Юзепчука и настоятельницу монастыря игумению Лукию (Дмитренко). Ее чекисты пытались завербовать, используя «компрометирующие материалы» через агентов из числа сестер. Чекистов тревожил рост количества монахинь в Овручском монастыре, большинство которых пришли в течение пяти лет по благословию иеромонаха Псково-Печорского монастыря Саввы (Остапенко), схиигумена Кукши Одесского, иеромонаха Полихрония из Киево-Печерской лавры, иеромонаха Макария из Троице-Сергиевой лавры.

Начальник УКГБ по Житомирской области полковник В. Голик 25 декабря 1958 г. направил председателю КГБ при Совете Министров УССР генерал-майору В. Никитченко спецсообщение о подготовке к закрытию Овручского женского монастыря, община которого, по его словам, превратилась в «очаг распространения миссионерской деятельности и реакционного влияния монашествующих элементов на верующее население». Действия чекистов были направлены на разжигание внутренних нестроений в обители. По агентурным данным, в обители была группа «старых монахинь», которые третировали молодых сестер, называя их «коммунистками, слугами дьявола, колдуньями». Оперативные работники сделали ставку

³⁰ Истинно-православной церкви.

³¹ См.: *Веденев Д. В.* Атеисты в мундирах: Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М.: Алгоритм, 2016. С. 247.

на «действенную разложенческую работу среди монашествующих, раскол среди фанатичной и влиятельной части и рядовыми монахинями, а также между монахинями, православным духовенством и верующими». Были задействованы агенты, которые для обострения ситуации выявляли противоречия между сестрами, порождали скандалы внутри обители, втягивая в них «наиболее вредных в политическом отношении монахинь».

Разжигание склок привело к компрометации руководства монастыря и «наиболее фанатично настроенных» монахинь в глазах остальных насельниц. Последовал крупный скандал якобы с «рукоприкладством и хулиганством». При этом чекисты планировали использовать его для организации судебного процесса над «хулиганствующими». Одновременно в газетах появилась целая серия антирелигиозных статей, направленных на дискредитацию «основного ядра монашествующих». Часть прихожан направила письмо в Житомирский облисполком с жалобой на скандалы и «изуверство» в монастыре. В то же время негласные помощники органов госбезопасности из числа священнослужителей обострили взаимоотношения между монастырем и «церковниками», чем выполнили задание по дальнейшей компрометации монашествующих. Для «беспроblemного закрытия» обители оперативники устраивали профилактические беседы с монахинями, а партийно-советские работники проводили с ними «воспитательную работу». В результате запуганные и психологически подавленные сестры «безропотно и положительно» восприняли решение о закрытии обители. 25 июня 1959 г. Овручский монастырь закрыли, в течение дня монахини были выдворены из него вместе с имуществом. Эта операция проходила под контролем оперативных работников под видом водителей и агентуры³².

Такие действия чекистов по закрытию монастырей были типичными. Монастыри вызывали ненависть у властей по той причине, что они оставались местами паломничества, центрами духовной поддержки верующих, источниками веры. Кроме того, монастыри не имели «двадцаток», которые можно было избрать из числа «нужных» людей и назначить «своих» старост. Назначить удобного властям настоятеля в монастырь было

³² См.: Там же. С. 247–249.

сложно. Насилие при закрытии монастырей породило поток жалоб в Патриархию и Совет по делам Церкви. Обеспокоенный ситуацией Патриарх Алексий писал Карпову 24 июня 1959 г. из Одессы: «Здесь меня донимают вопли из монастырей — письменные и даже приезды монахинь, жалующихся на то, что их насильственно выселяют в „мир“, не считаясь ни с возрастом, ни с местными церковными условиями, что вызывает не только брожение среди них, но и волнение в народе. Дело в том, что, по-видимому, на местах не считаются с выдвинутым в центре принципом — не изгонять монашествующих из монастырей, а переводить их в другие обители»³³.

На одной из встреч с председателем совета в 1959 г. митрополит Николай (Ярушевич) заявил: «Патриарх, давая согласие на ликвидацию епархий и монастырей, был вынужден это делать, потому что он просьбу Совета по этим вопросам считал и считает как приказ Советского Правительства. Кроме того, он не ожидал таких больших осложнений и реакций со стороны монашествующих и верующих граждан, как это имело место при ликвидации Кременецкого и Овручского монастырей. Патриарх получил очень много жалоб со стороны православных архиереев, духовенства и верующих граждан с просьбой и требованиями защищать интересы церкви, и в результате патриарх оказался в таком положении, когда фактически он, как глава церкви, призванный защищать интересы церкви, стал сторонником ее ликвидации. <...> Патриарх считает, что ему целесообразно сейчас уйти в отставку, с тем чтобы не быть свидетелем и участником ликвидации церкви»³⁴.

В июле 1959 г. Карпов направил в Совет Министров СССР «Сообщение об ошибках, допущенных при проведении мероприятий по закрытию монастырей», в котором привел факты неправильных действий республиканских советов министров и партийных организаций, нарушивших достигнутые соглашения о количестве закрываемых монастырей и сроках их закрытия. Он отметил, что вместо переселения монашествующих в другие действующие монастыри представители

³³ Письмо Патриарха Алексия Г. Г. Карпову от 24 июня 1959 г. // Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам РПЦ, Т. 2: 1954–1970. С. 265.

³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 101.

органов власти предлагали им «убраться из монастыря куда угодно» — перейти в дома инвалидов, уехать к родным и т.д., решая, таким образом, поставленную задачу «путем разгона». Вдобавок к этому местные власти закрывали приходские церкви при монастырях с демонстративным снятием колоколов и крестов и разрушением иконостасов³⁵. Чуть позже, в январе 1960 г., Карпов предлагал не проводить закрытие других монастырей «в течение 24 часов», как это было на Украине в 1959 г.³⁶ В 1959 г. было закрыто 19 монастырей и скитов. Заместитель председателя совета П. Г. Чередняк в докладе в ЦК КПСС и Совет Министров СССР в октябре 1959 г. писал, что «сокращение прошло организованно и без каких-либо крупных конфликтов и осложнений»³⁷.

ТИХВИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЕПИСКОПА ИОАСАФА (ЛЕЛЮХИНА). ЛИКВИДАЦИЯ МОНАСТЫРЯ

В числе ликвидированных оказался и Тихвинский женский монастырь в Днепропетровске, закрытие которого не обошлось без насилия, как при ликвидации Овручской обители. На тот момент архиепископа Гурия уже не было в Днепропетровске — после его перевода в Минск Днепропетровскую и Запорожскую епархию принял епископ Иоасаф (Лелюхин). Днепропетровская и Запорожская епархия практически была уничтожена усилиями местных властей и уполномоченных совета за два года правления епископа Иоасафа при его попустительстве, а порой и непосредственном участии. Активную роль в уничтожении епархии сыграл уполномоченный по Днепропетровской области Я.А. Днепровский, вступивший в должность еще при архиепископе Гурии. В отчете за 1959 г. он докладывал, что епископ Иоасаф, приняв епархию, не принимал каких-либо серьезных мер, направленных на пополнение и перемещение

³⁵ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1649. Л. 100–101.

³⁶ См.: Там же. Д. 1747. Л. 15.

³⁷ Там же. Д. 1649. Л. 185.

кадров священнослужителей с целью укрепления положения Церкви. Во всех случаях назначения или перемещения духовенства епископ Иоасаф советовался с уполномоченным и производил назначения только после согласования с ним. Пользуясь податливостью нового правящего архиерея, Днепровский «на основе здоровых деловых отношений» проводил линию по «снижению церковной деятельности». По его словам, епископ Иоасаф помогал ему закрывать «самораспадающиеся» приходы на основании указаний Патриархии, прикрепляя маломощные и не имеющие возможности существовать без дотаций епархиального управления общины к соседним приходам³⁸.

Епископ Иоасаф (Лелюхин). Конец 1950-х гг.

Не менее болезненным событием в епархии стало упразднение Тихвинского женского монастыря в Днепропетровске.

³⁸ См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1791. Л. 6.

Произошло это 5 августа 1959 г. — через два месяца после перемещения архиепископа Гурия на Минскую кафедру.

24 июня 1959 г. на имя экзарха Украины митрополита Иоанна (Соколова) поступила телеграмма из Патриархии за подписью митрополита Николая (Ярушевича): «По поручению Его Святейшества имею долг сообщить Вашему Высокопреосвященству, что в 1959 году Московской Патриархией по согласованию будут сокращены следующие монастыри по Украинской ССР: Васильевский женский [в] городе Овруче Житомирской области, Тихвинский женский [в] городе Днепропетровске, Троицкий женский села Густынь Черниговской области, Богоявленский женский города Кременец Тернопольской области, Успенский женский села Червенево Закарпатской области, Духовской мужской скит в Новом Торжке Почаевского района, Богородицкий женский скит в селе Бедевя Закарпатской области и Серафимовский женский скит в селе Задне Закарпатской области. Всего восемь монастырей и скитов. Все монашествующие будут направлены для размещения в другие монастыри. Вопрос о месте размещения монашествующих указанных монастырей надлежит на месте согласовать [с] уполномоченным. Благоволите сообщить об этом соответствующим епархиальным архиереям»³⁹. 29 июня 1959 г. уполномоченный по УССР Г. П. Пинчук сообщил Карпову, что Московская Патриархия телеграфом подтвердила свое согласие на расформирование восьми монастырей⁴⁰.

По всей видимости, митрополит Гурий не знал о существовании телеграммы Патриархии, отправленной 24 июня из Москвы в Киев, так как 4 июня он отбыл в Минск. Но информацию о закрытии Тихвинского женского монастыря от митрополита Иоанна получил епископ Днепропетровский и Запорожский Иоасаф. Такие же сведения правящий архиерей получил и от уполномоченного Днепровского, имевшего на тот момент копию телеграммы из Совета по делам Церкви. Уполномоченный сообщил в совет о реакции епископа: «О том, что правящий епископ прислушивается к нашим советам и не стремится укреплять устои церкви, говорят и такие факты: в июне, когда

³⁹ ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 2. Д. 33. Л. 170.

⁴⁰ См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1690. Л. 96.

мною на приеме было устно объявлено Иоасафу о решении по вопросу закрытия Тихвинского женского монастыря в Днепропетровске, он в веселом тоне заявил: „Давно бы надо было ликвидировать это кодро“»⁴¹.

Первоначально власти планировали закрыть Тихвинский монастырь 29 июля 1959 г., для этого обкомом партии был разработан тщательный план мероприятий. Местным властям необходимо было решить непростые для них вопросы: 20 монахинь трудоустроить, 62 — разместить в дома для престарелых, вывезти монастырское имущество и т.п. Была запланирована массивная атеистическая пропаганда и разъяснительная работа с местным населением, проживающим и работающим в районе монастыря⁴². Ранее рассматривался перенос обители на территорию бывшего Иосифовского женского монастыря в с. Марьевке Магдалиновского района Днепропетровской области, но впоследствии этот вариант по ряду причин был отвергнут⁴³.

На основании постановления Совета Министров УССР от 17 июня 1959 г. Днепропетровский исполком 26 июня принял решение о закрытии Тихвинского монастыря. Исполком постановил: «1) Тихвинский женский монастырь закрыть 5.VIII.59. 2) Насельниц по их желанию отправить по месту, вновь избранному, или [по] месту жительства, трудоустроить, а нетрудоспособных разместить в дома для престарелых и т.д.3) Помещения, принадлежащие школе-интернату и занятые в период временной немецко-фашистской оккупации под монастырь <...> возвратить областному отделу народного образования для использования по назначению под школу-интернат»⁴⁴.

Имея неприязненное отношение к женской обители Днепропетровска, епископ Иоасаф все же был вынужден 9 июля 1959 г. возглавить в монастыре престольный праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери. По сведениям уполномоченного, на монастырском празднике присутствовало около 3000 верующих⁴⁵.

⁴¹ Там же. Д. 1791. Л. 8.

⁴² См.: ГАДО. Ф. 6464. Оп. 2. Д. 33. Л. 182–183.

⁴³ См.: Там же. Л. 224–227.

⁴⁴ Там же. Л. 186.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 184–185.

Менее чем через месяц произошло трагическое событие — местные власти ликвидировали монастырь. Патриарх Алексей на встрече с Куроедовым 11 марта 1960 г., отмечая допущение грубых ошибок при закрытии ряда монастырей, заявил, что при ликвидации Днепропетровского монастыря применялись насильственные меры, монашествующих «просто выкидывали из зданий без всякого предоставления жилплощади»⁴⁶.

Игумения Евгения (Волощук) в своих воспоминаниях отразила события тех дней: «Рано утром 5 августа 1959 года, будучи чредным священником, иеромонах Стефан, как всегда, заранее пришел в храм и стал совершать проскомидию. Неожиданно в церковь вошли приехавшие без предупреждения представители епископа Иоасафа — его личный секретарь и одновременно секретарь епархии протоиерей Константин Стаховский, протодьякон Иаков и благочинный Алексей Жбанчиков. Пройдя в алтарь, они потребовали прервать проскомидию. На просьбу позволить совершить литургию ответили отказом. Игумения, подумав, что в чем-либо провинился перед епархиальным начальством лично отец Стефан, просила дать служить второму священнику. В ответ на это было объявлено, что служба не состоится, потому что монастырь закрывается. Протоиерей Константин взял антиминос и унес его с собой. Людей удалили из храма. Отец Стефан, которому пришлось-таки прервать проскомидию, в слезах, прижав Святую Чашу к груди, направился в свою келию. На требование старшему священнику монастыря, игумении и монастырскому секретарю срочно явиться в исполком иеромонах Стефан ответил, что в соответствии с правилами субординации он раньше обязан переговорить с архиереем. Однако епископ Иоасаф представителей монастыря не принял. В исполкоме им объявили, что обитель закрыта распоряжением Патриарха и должна быть освобождена к вечеру текущего дня, потому что дети (в монастыре должен был разместиться интернат) уже с утра сидят в вагонах на станции. <...> „Местных“ развезли по домам. Иеромонаху Стефану от имени епископа Иоасафа предлагалось остаться в Днепропетровске, но он отказался»⁴⁷.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 3.

⁴⁷ Цит. по: Пономаренко Д., диак. Указ. соч. С. 214–215.

Протоиерей Валерий Бояринцев⁴⁸ вспоминал о закрытии Тихвинского монастыря: «Был 1959 год. Я учился в 10-м классе, когда владыку Гурия перевели в Минск. В Днепропетровск поставили епископа Иоасафа (рукоположенного у нас же в Днепропетровске из наших же celibатных священников). Епископ Иоасаф, по-человечески добрый, но слабовольный, под давлением властей позволял закрывать церкви. Мы ожидали закрытия монастыря. <...> В монастыре службы были каждый день. Служили по неделе: то отец Стефан, то отец Антоний. В какой-то из дней (5–12 августа) 1959 года к нам домой забегает один прихожанин и сообщает: закрывают монастырь. Мы с отцом бежим туда. Перед Святыми воротами монастыря стоит толпа прихожан в 30–50 человек. Ворота закрыты, никого не пускают. В дверях стоят люди в гражданском и объясняют: закрывают не власти, а Патриарх. Мы, дескать, только исполнители. Я побежал к дальнему углу забора, через который благополучно перелез, и вдруг увидел бегущих ко мне с криком: „Держи его!“ Я — назад через забор и бегу по улице в сторону. Меня догнали два мужичка. За руки, и ведут к группе людей в штатском, подводят и докладывают: „Товарищ майор, он перепрыгнул через стену монастыря, нес письмо от монахинь“. Меня усадили в коляску милицейского мотоцикла и повезли мимо верующих, стоявших у Святых врат. В милиции допросили. Спрашивали, что я делал у монастыря. Допросили и отпустили. Через несколько дней узнаем: отца Стефана и отца Антония перевезли с вещами на улицу Старгородскую, где был церковный дом на две двухкомнатные квартиры, и поселили там. Никаких физических издевательств не было. Разговаривали корректно, собрали все книги и вещи, дали машину и грузчиков и перевезли на квартиру. Пропаж не было. Так же развезли всех сестер»⁴⁹.

⁴⁸ С 1991 г. — настоятель храма Архистратига Михаила в Алушке (Крым). Упокоился 11 сентября 2020 г.

⁴⁹ Цит. по: Пономаренко Д., диак. Указ. соч. С. 777–778.

Насельницы Тихвинского монастыря со своими пастырями — иеромонахами Стефаном (Никитиным) и Антонием (Харченко). Днепрпетровск. 1959 г.

Операцию по ликвидации монастыря власти провели оперативно: начав в 9 часов утра, закончили к 9 вечера того же дня. Подлежащим выселению 82 монахиням были предложены варианты: переселиться в другие монастыри, переехать к родственникам, пожилым поселиться в домах для престарелых, трудоспособным получить работу. В итоге в пределах Украины осталось 73 монахини, из них 65 — в Днепрпетровске и области. За пределы республики выехало 9 человек, из них 3 монахини выехали в Винницкую область в Браиловский монастырь, в том числе игумения Ксения (Романовская). Настоятельница монастыря игумения Руфина (Шулан) осталась в своем доме в Днепрпетровске⁵⁰.

Днепрпетровский облизполком и обком партии подошли к вопросу закрытия монастыря основательно и с серьезной подготовкой. Еще задолго до этого события в окрестностях монастыря работали 42 агитатора, проводя «политико-воспитательную работу». Индивидуальная работа велась с членами семей верующих. Посредством этих мероприятий местные власти пытались понять настроения людей,

⁵⁰ См.: ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 2. Д. 33. Л. 192–193.

проживающих в непосредственной близости от женской обители, чтобы не допустить беспорядков. Непосредственно в день ликвидации монастыря, 5 августа, агитаторы разъясняли местным жителям, собравшимся у монастырских ворот, причины закрытия обители и что будет на этом месте. Особое внимание уделяли «отдельным кликушам». На прилегающих к монастырю улицах за порядком следили переодетые в гражданскую одежду сотрудники милиции и проинструктированные дружинники, на перекрестках работали регулировщики уличного движения. На месте находились пожарная команда и три автомашины скорой помощи с медперсоналом. Медицинское обслуживание власти предусмотрели для 22 больных монахинь. Для перевозки на вокзал монашествующих, пожелавших выехать в другие монастыри и к родственникам, было выделено 15 грузовых автомашин. Три автобуса предоставили для переезда пожилых монахинь в дома престарелых. Для трудоустройства желающих к монастырю вызвали работников отделов кадров местных предприятий. Но все это оказалось тщетным: при опросе выяснилось, что ни одна монахиня не пожелала переезжать в дом для престарелых, не нашлось и желающих работать на производстве.

Власти не учли «зажиточность» насельниц днепропетровского монастыря, которые имели «много мебели, мешки с сахаром, сушеными фруктами, рисом, одеждой и т.п.»⁵¹. Это упущение потребовало оперативной перестройки плана эвакуации. Было вызвано дополнительно 20 грузовых такси, в четыре раза увеличили число грузчиков (в итоге во второй половине дня на погрузке работало 60 платных грузчиков, в упаковке и погрузке вещей им помогали дружинники и агитаторы). Всего для эвакуации монахинь было привлечено 39 грузовых автомашин, 3 автобуса и 2 легковые машины, которые совокупно совершили 149 выездов. Монахиням предоставили возможность забрать все принадлежащее им имущество, «вплоть до угля и дров». Для упаковки вещей секретарь епископа за счет епархиальных средств закупил большое количество мешков и веревок. Прямо на территории монастыря организовали продажу проездных билетов и оформление контейнеров для

---

⁵¹ Там же. Л. 207.

перевозки личного имущества при непосредственном участии начальников железнодорожного и автомобильного вокзалов.

В докладе председателю совета Г. Г. Карпову и уполномоченному по УССР Г. П. Пинчуку уполномоченный Днепропетровский отметил: «Закрытие монастыря обошлось без малейшего инцидента, как внутри монастыря, так и за воротами. В 21 час 5 августа выехали последние жильцы, и к утру на воротах висела вывеска школы-интерната. Жалоб в связи с закрытием монастыря как от монашествующих, так и от окружающего верующего населения не поступает. Перевоз утвари из монастырского молитвенного дома был произведен утром 6 августа. В перевозке приняли участие благочинный Жбанчиков, секретарь епископа священник Стаховский и протоиерей собора Ильченко. Утварь перевезена по частям в собор и Трехсвятительскую церковь города»⁵².

Кресты с храма сняли ночью, колокола передали конторе «Цветметалл». Здание бывшего монастырского храма отдали под клуб детского дома и школ-интернатов. Другие монастырские строения планировали приспособить под жилье и учебные классы. Акт сдачи помещений и территории Тихвинского монастыря от епархиального управления подписал секретарь — священник Константин Стаховский, директор школы принял семь зданий общей площадью более 2000 кв. метров (в том числе 900 кв. метров жилой) с приусадебным земельным участком около 4 га. Уполномоченный подчеркнул безупречность проведенной операции по ликвидации монастыря: «Считаю своим долгом отметить как положительный фактор успешного закрытия монастыря в Днепропетровске — это вызов уполномоченного Совета области в Киев товарищем Пинчуком в период подготовки и закрытия монастыря, где лично мне были даны тов. Пинчуком весьма ценные советы из опыта уже закрытых монастырей в Овруче и Густыне, о чем мною было передано руководству обкома и облисполкома для внесения в план мероприятий и использования нами этого опыта в подготовительный период и в день закрытия»⁵³.

⁵² Там же. Л. 194.

⁵³ Там же.

Детали богоборческой операции раскрывает переписка местных властей с вышестоящими советскими и партийными организациями. Так, днепропетровские руководители обкома партии и облисполкома рапортовали о ликвидации Тихвинского монастыря в ЦК КП Украины и в Совет Министров УССР. В докладной записке они привели сведения о том, что днепропетровский монастырь значительно расширил свою деятельность в период управления епархией архиепископом Гурием при его непосредственной поддержке: если монастырь в 1953 г. имел доход 364 тыс. рублей, то в 1958 г. эта сумма составляла уже 558 тыс. рублей. Доходы возросли за счет увеличения продаж свечей, просфор, икон и крестиков. Чтение Псалтири по усопшим приносило доход в размере 69 тыс. рублей, помимо этого монастырь брал за требы «натурой» (сахаром, медом, хлебом, вареньем, фруктами, конфетами). Авторы доклада попытались изобразить экономику монастырского хозяйства на конкретном примере: «Или взять продажу свеч. Это — слишком прибыльная отрасль, воск покупали на рынке или свечи в кооперации по государственной цене, а из них изготовляли свои свечи и продавали их по 3–5 рублей. За продажу свечей в 1958 г. монастырь получил чистую прибыль 132 тысячи рублей. Все это говорит о достаточно широко открытых дверях монастыря для верующего населения»⁵⁴.

Областные руководители описали, как «отдельные деятели церкви» пытались не допустить ликвидации монастыря. Речь в данном случае шла о митрополите Гурии, пребывавшем на тот момент на Минской кафедре. По всей видимости, информация о закрытии монастыря дошла до него с некоторым опозданием. Митрополит Гурий 4 августа направил в Днепропетровск иеромонаха Михея (Хархарова) для воздействия на епископа Иоасафа и принуждения его подать ходатайство об оставлении Тихвинского женского монастыря. Иеромонах Михей в разговоре с протодиаконом Иаковом Ильченко якобы сказал: «Что о себе думает Иоасаф? Ведь митрополит Украинский Иоанн слишком слаб, вскоре на его место придет митрополит Гурий и тогда спросит с Иоасафа за этот монастырь»⁵⁵.

⁵⁴ Там же. Л. 204–205.

⁵⁵ Там же. Л. 205.

В день прибытия иеромонаха Михея в Днепропетровск Тихвинский монастырь отмечал храмовый праздник в честь святой Марии Магдалины. В этот же день он встретился с секретарем игумении Анастасией (Волощук), которая, по словам авторов доклада, «пребывала в большом почете» у митрополита Гурия и фактически руководила монастырем. Иеромонах Михей вылетел днем 5 августа из Днепропетровска в Минск, находясь «под сильным впечатлением того, что на этот час монастырь по большей части был ликвидирован». Местные руководители посчитали, что иеромонах Михей все же воздействовал на отдельных монахинь, включая Анастасию (Волощук), так как утром 5 августа они не явились своевременно в райисполком, куда вызывались, а пребывали на литургии, рассчитывая на то, что ранним утром в монастырский храм, как всегда, придут окрестные верующие.

Областные руководители опасались сопротивления монашествующих и предполагали, что когда представители советской власти придут закрывать монастырь, то монахини падут ниц перед иконой Тихвинской Божией Матери «Достойно есть»: и пусть тогда их связывают и делают что хотят, но они из монастыря никуда не уйдут. Предвидя «этот маневр монахинь», они предложили епископу Иоасафу не участвовать 4 августа в храмовом празднике в честь святой Марии Магдалины, сославшись на «тяжелое состояние здоровья». Секретарь епархии должен был прибыть в монастырь к 7 часам утра с приказом не начинать литургию, после чего вместе с руководством женской обители прибыть в 8 час. 30 мин. в райисполком. Монахини не согласились с таким распоряжением и группой до 20 человек поехали не в райисполком, а к правящему архиерею. Областные руководители успели переговорить с епископом Иоасафом, посоветовав ему объявить монахиням о полученной телеграмме от митрополита Иоанна (Соколова), в которой говорилось о распоряжении Патриарха Алексия о закрытии Тихвинского монастыря. Епископ Иоасаф не растерялся перед наступлением монахинь, твердо сказал им: «Такова воля Божия» — и благословил их на исполнение распоряжения Патриархии.

Позднее руководство монастыря прибыло в райисполком, где секретарь игумении инокиня Анастасия (Волощук) заявила: «Дайте нам возможность всем переехать в другой монастырь

и дайте нам срок, чтобы мы закончили пост, попросились, письма написали, собрались и забрали свою святыню — иконы с собой»⁵⁶. После объявления постановления облисполкома о закрытии монастыря все монахини начали плакать и умолять.

В трапезной монастыря было организовано собрание насельниц. Игуменья Руфина (Шулан), со слов днепропетровских руководителей, молчала. Первой заговорила монахиня Вера Евдокимовна Перевязко⁵⁷: «Мне уже 76 лет, я имею угол в Челивке. Если иконы — нашу святыню — представители власти не изымают, а отдают в собор, то и нам в монастыре делать нечего, отправляйте меня первой. Спасибо власти и всем за чуткое отношение к нам, старухам, за помощь...» Аналогичное заявление сделала монахиня Анастасия (Мирошниченко)⁵⁸: «Мне 63 года, я получаю благодаря советской власти 600 рублей пенсии, у меня есть купленная комната в г. Днепропетровске, и я тоже благодарю, что нам помогают и по-человечески к нам относятся. Пускай дети будут вместо нас учиться. Мы не против того, чтобы здесь снова была школа...»⁵⁹.

На все мероприятия по эвакуации монахинь Тихвинского женского монастыря было израсходовано 154 тыс. рублей епархиальных средств, из них 57 тыс. рублей в качестве «материальной помощи»: епископ Иоасаф через бухгалтера Епархиального управления выдал каждой монахине единовременное пособие в размере от 400 до 1500 рублей. По рассказу очевидицы событий игуменья Евгении (Волощук), железнодорожные билеты для иногородних монахинь до названного ими пункта назначения купили на изъятые монастырские деньги.

Не обошлась эта операция без использования спецслужб, так как одним из основных объектов гонения стали православные монастыри. Схема работы по «беспроblemному» закрытию женских монастырей была типичной в арсенале чекистов: агентура отслеживала все процессы в монастыре, оперработники проводили профилактические беседы с монахинями, партийно-советские работники вели «воспитательную работу».

⁵⁶ Там же. Л. 206.

⁵⁷ Монахиня Феофания.

⁵⁸ По всей видимости, имеется в виду инокиня Леонтия (Мирошниченко Феодора Константиновна). См.: ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 2. Д. 33. Л. 120 об.

⁵⁹ Там же. Л. 206.

В результате таких мероприятий психологически подавленные и запуганные монахини в большинстве своем «безропотно и положительно» воспринимали решение о закрытии монастыря. Официальные материалы КГБ УССР по закрытию Тихвинского женского монастыря подтверждают это: по монашествующим велось 14 дел-формуляров, 17 предварительных агентурных разработок, имелось 7 негласных источников УМГБ-УКГБ. При подготовке ликвидации монастыря использовались 15 агентов из числа сестер обители и епархиального духовенства. В день закрытия в ограде монастыря работали пять агентов, которые уговаривали сестер спокойно выехать, два оперработника работали среди грузчиков⁶⁰.

Таким образом, усилиями местных властей и спецорганов при непосредственной поддержке епископа Иоасафа (Лелюхина) и его «сподручных» священнослужителей была закрыта единственная обитель епархии — Тихвинский женский монастырь, который экономически и духовно возрастал заботами архиепископа Гурия в годы его пребывания на Днепропетровской кафедре. При всем своем желании митрополит Минский и Белорусский Гурий не смог повлиять на ход событий тех дней в силу объективных причин — решение было принято в Москве, а на месте не нашлось достойных защитников.

---

⁶⁰ См.: *Веденев Д. В.* Указ. соч. С. 247–249.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА ДО – Государственный архив Днепропетровской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ИСТОЧНИКИ

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1275.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1279.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1648.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1649.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1690.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1791.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 255.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 284.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 627.

ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 1. Д. 6.

ГА ДО. Ф. 6464. Оп. 2. Д. 33.

Письмо архимандрита Иоанна (Вендланда) А. С. Заспеловой от 6 августа 1956 г. // ЦИА ПСТГУ.

ЛИТЕРАТУРА

Веденев Д. В. Атеисты в мундирах: Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М.: Алгоритм, 2016.

Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных комиссаров – Совете Министров СССР (1945–1970): в 2-х т. Т. 1: 1945–1953 гг.; Т. 2: 1954–1970 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

Пономаренко Д., диак. Епископ Стефан (Никитин). М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.

Tikhvin Monastery of Dnepropetrovsk in the 50s of the XX century and its closure in 1959

Pavlov Dmitry V.

Master of Theology,

Researcher at the Department of Modern History of the Russian

Orthodox Church of the St. Tikhon Orthodox Humanitarian University

d.v.pavlov_77@mail.ru

FOR CITATION: *Pavlov D. V.* Tikhvin Monastery of Dnepropetrovsk in the 50s of the XX century and its closure in 1959 // Bogoslov. 2025. № 1 (5). P. 165–197.

DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.51.75.003

ABSTRACT Based on archival data, the article reconstructs the history of the Dnepropetrovsk Tikhvin Convent in the 50s of the 20th century before its closure in 1959. The monastery was founded in the 60s of the 19th century, abolished in 1924 and reopened in 1942 during the occupation. The article describes the state of affairs in the monastery during the administration of the Dnepropetrovsk and Zaporozhye diocese by Archbishop Guriy (Egorov), the composition of the sisterhood, the specifics of the economic and liturgical organization of the monastery during this period, as well as the difficult relations with the Soviet government. The archbishop's successor, Bishop Joasaph (Lelyukhin), not only did not oppose the Soviet authorities in their action to close the monasteries, but actually contributed to the closure of parishes and monasteries, in particular the Tikhvin Monastery. The article provides details of the operation to close the monastery.

KEYWORDS: Dnepropetrovsk Tikhvin Monastery, Archbishop Guriy (Egorov), Bishop Joasaph (Lelyukhin), Archpriest Sergiy Nikitin (later Bishop Stefan), campaign to liquidate monasteries in the USSR